

УДК 94

Гриценко Никита Владимирович

ПАЛОМНИЧЕСТВО ФЛОРЕНТИЙСКИХ ГОРОЖАН В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ: РЕЛИГИОЗНО-ДУХОВНЫЙ АСПЕКТ

В статье анализируются ментальные основы такой религиозной практики, как паломничество, на основе двух описаний, которые оставили после себя флорентийские граждане Симоне Сиголи и Лионардо Фрескобальди после своего путешествия по Египту и Святой земле. Также затрагивается вопрос о взаимодействии трех религий в пространстве Палестины и города Иерусалима.

Ключевые слова: виды паломничества, соприкосновение религиозных культур, мотивы паломничества, сакральные места, Святая Земля.

Gritsenko Nikita V.

THE PILGRIMAGE OF THE FLORENCE CITIZENS INTO THE HOLY LAND: RELIGIOUS AND SPIRITUAL ASPECT

The mental foundations of such sort of religious practice as the pilgrimage are being analyzed on a basis of two descriptions which have been left by two Florence citizens – Simone Sigoli and Lionardo Frescobaldi after their journey through Egypt and the Holy Land. Also there has been attached the cooperation between three confessions on such a bounded space of Jerusalem and the Holy Land in a whole.

Key words: types of pilgrimage, contiguity of religious cultures, motives for pilgrimages, sacred places, pilgrimage to the Holy Land.

Основными источниками, повествующими о паломничестве флорентийцев в Святую Землю, являются описания двух путешествий, которые совершили флорентийские горожане Симоне Сиголи и Лионардо Фрескобальди в 1384 году. Оба автора были довольно знатного происхождения: о благородном происхождении Лионардо Фрескобальди свидетельствуют занимаемые им должности [3, р. 11], а также приглашение его к завтраку в дом дожа Венеции [3, р. 45]. Из незнатного, хотя известного и уважаемого во Флоренции рода, происходил и Симоне Сиголи, обладавший собственным гербом, в котором на лазурном поле изображались три серебряных садовых ножа с золотыми рукоятками [3, р. 11].

Паломники проделали огромный путь до гроба Господня, проехав вначале из Флоренции в Венецию по суше, затем из Венеции на корабле добрались до Александрии в Египте, оттуда опять сухим путем до Иерусалима, где провели 11 дней [3, р. 222]. Обратный путь они проделали от Бейрута морем до Венеции. Кроме Лионардо Фрескобальди и Симоне Сиголи в этом хождении участвовали еще четыре паломника: Андреа ди мессер Франческо Ринуччини, Джорджо ди Гуччи, Бартоломео ди Кастель Фоконьяно, Антонио ди Паголо Меи, шерстяник, и Санти дель Рикко, виноторговец [3, р. 172]. Путешествие оказалось столь тяжелым, что вернулись только трое – Фрескобальди, Сиголи и Гуччи.

Паломники оставили записи своего странствия. Впервые их тексты были напечатаны в типографии Фьякки в 1829 г., вторая публикация была предпринята в 1862 году издательством Barbèra усилиями Ч. Гарджолли, но тексты были лишены примечаний и вводной части. Следующее переиздание было предпринято более чем через 80 лет [3, р. 35]: на этот раз тексту предшествовала вводная часть, сообщающая об авторах, и появились подробные примечания. Последнее переиздание было произведено в 1944 г. во Флоренции, под редакцией известного итальянского литературоведа, критика и лингвиста Чезаре Анджелини. Этот текст и послужил основой для изучения паломничества флорентийских горожан в данной статье.

Традиционно в практике городского общества Италии паломничество было принято осуществлять в двух формах: во-первых, в программу входило обязательное посещение святых мест внутри городских стен, и этот вариант паломничества предпринимался, как правило, в конце жизни купцов, банкиров и предпринимателей, когда у них освобождалось время от дел. Во-вторых, совершались хождения к святым местам в Италии, прежде всего, в Ассизи и Падую к гробнице св. Антония Падуанского [2, с. 487]. Часто осуществлялись «попутные» паломничества: находясь за пределами Италии, купцы и банкиры посещали монастыри, гробницы, святые места по случаю, ес-

ли те находились по пути маршрута их следования [2]. Но высшим актом паломнической практики являлось хождение в Святую Землю, в Иерусалим.

Итальянские хроники и источники личного происхождения свидетельствуют, что такие паломничества совершались не часто, долго хранились в коллективной памяти городского социума и обставлялись торжественными ритуалами: богослужениями, на которых присутствовала большая часть горожан, пирами, сопровождением многочисленной свиты из родственников и соседей, выходящей с паломниками за пределы городских стен. Память об этом выдающемся деянии фиксировалась в путевых заметках и описаниях путешествий.

В данном случае описание паломничеств интересует нас как соприкосновение представителей различных религиозных культур: с одной стороны, западноевропейской, католической, с другой – еврейско-иудейской и мусульманской. Иудеи в значительной мере представляли для образованных итальянских горожан образ «чужого», преимущественно нагруженный традиционными, скорее отрицательными культурно-религиозными коннотациями (евреи распяли Христа и пр.). Но паломничество в то же время являлось и выходом в особое культурное пространство – пространство Библии, наполненное безусловными духовными и религиозными ценностями для носителей как европейской католической культуры, так и иудейской.

Как определить главный мотив, двигавший этими пилигримами? Побудительные причины обычно были многообразны и не всегда открыто ими декларируемы. Большинство исследователей сходятся во мнении, что принятие решения о совершении паломничества, в меньшей степени было связано с решением материальных проблем, хотя этот мотив невозможно исключить полностью: в глазах горожан паломничество могло стать весомым аргументом, пускаемым в ход в деле борьбы за снижение налогов и прощения недоимок [1, с. 207; 2, с. 487]. Но чаще фигурировали такие предпосылки, как обретение духовного и физического здоровья для себя и для своих родственников, религиозного покаяния и очищения души от грехов, которое паломники старались получить при посещении Святых мест [1, с. 206]. Нельзя сбрасывать со счетов естественное любопытство и стремление к новым познаниям, столь присущее флорентийским купцам, широко осваивающим пространство трех материков вокруг Италии. В подтверждение этому можно привести описание путешествия Симоне Сиголи, частично проанализированное французским историком-антропологом Кристианом Беком [4, р. 317–320]. Симоне Сиголи в странствии интересовался не только священными местами, реликвиями, мощами святых, но и природным миром, животными, обычаями и культурой тех земель, где они побывали [4, р. 318]. Также Бек указывал на то, что по прибытии во Флоренцию Сиголи, как это было в обычае нотариально-купеческого мышления, подводил баланс своих доходов и расходов за время паломничества [4, р. 319].

Вступление в Святую Землю флорентийские паломники начали с горы Синай, найдя приют в монастыре св. Екатерины. Несколько дней, пока они пребывали в этом месте, посвящены фигуре пророка Моисея, к которому флорентийцы относились с великим пиететом. Мифы о чудесах, передаваемые горожанами, касались в первую очередь церквей и монастырей, основанных христианами, и были связаны с восхождением и пребыванием на вершине горы Синай, куда, согласно убеждению путников, спускались ангелы, где монахи и пилигримы обычно встречали Деву Марию, св. Екатерину и других святых (легенда о Деве Марии Поручительнице). Таким образом, место, где Господь явил скрижали Моисею, позиционировалось как универсальное сакральное пространство, что обозначено в исследуемых текстах определенными символическими признаками: чудесное произрастание плодовых деревьев, «каких никогда и нигде не было видано», необыкновенной формы камни, имеющие свойство исцелять различные болезни (путники откалывали от камней кусочки, чтобы взять их с собой), распространение удивительных ароматов [3, р. 103–104] и прочие явления, до рациональных причин которых путешественники не стремились доискиваться.

Паломники имели обыкновение, говоря о таких библейских персонажах, как Адам, Моисей, Авраам, св. Илия, указывать, что и сарацины, и иудеи, и христиане различных конфессий, в равной степени почитают их, как бы ища соприкосновения между столь различными религиями. Таким образом, речь в данном случае идет о внутренне-эгалитарных общностях. Они подчеркивали, что в Хевроне от гробниц Адама, Авраама, Исаака, Иакова исходит некое масло, очень почитаемое сарацинами, иудеями и христианами всех вер, «от которого и мы получили некую толику» [3, р. 125]. Флорентийцы не преминули упомянуть о «большом количестве сарацинов, каковые в знак почитания Нашей Донны зажигали множество лампад днем и ночью, и выдавали субсидии на

жизнь указанным братьям (монахам-христианам)» [3, р. 129], «и на ремонт церкви» [3]. В данном случае, если следовать типологии святых мест, предложенной Б. З.Кедаром, наши паломники фиксировали культы, разделенные между последователями различных религий, но имеющие «внутренне-эгалитарную общность», когда одно и тоже святое место почиталось носителями разных религиозных конфессий, по отдельности проводящих там свои обряды, на которых разрешалось полностью или ограничено присутствовать иноверцам [5, р. 59–69].

Вторым сакральным местом, почтение которому паломники оказали воскурением воска, участием в церковных обрядах и торжественных шествиях, был Вифлеем, как место рождения Христа. Путники посещали, тщательно отмечая, все святые достопримечательности, все места, связанные с историей о поклонении младенцу Христу, об избииении младенцев по приказу царя Ирода, чудесном спасении маленького Христа [3, р. 245–246].

Следующее священное место – Иерусалим, в котором паломники оставались довольно долго, целых 11 дней, проводя время в поисках таких святынь, как «школа, в которой училась Дева Мария» [3, р. 130], дом Пилата, где Христос был осужден на смерть, полуразвалившийся дворец Ирода, Гефсиманский сад. Флорентийские пилигримы не упускали ни одной развилки дорог, где отдыхала Мадонна, ни одной пещеры, в которой молился св. Иаков, ни одного камня, на котором, якобы, имелся отпечаток стопы Христа. Упоминания обо всех местах почитания и поклонения сопровождались обильными и довольно точными цитатами из библейской и евангельской истории, текст которых наверняка имелся у паломников. Следует отметить, что сведения о библейском пространстве обнаруживали высокую степень сходства, почти идентичности в записях Леонардо Фрескобальди и Симоне Сиголи, при том, что описание мест реального географического пространства у этих авторов различалось. Видимо, это объясняется явным стремлением черпать сведения из одинаковых источников: прежде всего, из текста Священного Писания, а также апокрифических сказаний и местных легенд, которые они узнавали от одних и тех же информаторов, чаще всего, венецианских консулов, находящихся в каждом из упоминаемых в их путевых заметках городов.

Интересен дискурс, в котором идет речь о посещении мест, связанных с захоронением Девы Марии в долине Иосафатской, которые традиционно почитались, как отмечает Ора Лимор, только христианами и мусульманами, но не иудеями [6, р. 220]. В повествовании Леонардо Фрескобальди и Симоне Сиголи, которые не склонны были к негативным оценкам мусульман и иудеев в том случае, когда дело касалось мест поклонения представителей трех вер, появились оценки, осуждающие иноверцев, если речь шла о святынях, почитаемых только христианами. Весьма показательна история о попытке похищения иудеями тела Девы Марии, когда у воров «чудесным образом окоченели руки, обнаруживая их дурное намерение», и «из-за этого они покаялись в вине, крестились и приняли веру христианскую, и тогда их руки стали невредимыми и здоровыми» [3, р. 139]. Рассказывая затем о христианской церкви св. Сальватора в Бейруте, находящейся в ведении ордена Францисканцев (именно эту историю пилигримам поведал венецианский консул в Бейруте), Леонардо Фрескобальди и Симоне Сиголи вновь возвращались к теме иудея, как врага христианской веры. Они передавали местный миф: однажды группа иудеев для осмеяния стала избивать распятие, «из какового чудесным образом изобильно хлынула кровь, столько, что потекла на улицу» [3, р. 165–166]. И это чудо привело к тому, что сбежавшиеся туда иудеи и мусульмане обратились и стали христианами. Именно с теми святыми местами, которые не были почитаемыми иудеями, позиционировался образ иудея, как «чужого», выражалось отрицательное к нему отношение.

Симоне Сиголи, в отличие от Фрескобальди, рассказал эту легенду с гораздо большим количеством выразительных подробностей, в частности, проводя имплицитное сопоставление иудеев с сарацинами в пользу последних. Именно сарацины, привлеченные шумом, ворвались в дом и прекратили избивание распятия, а потом оповестили по всей земле о великом чуде, а их правитель приказал злодеев-иудеев порезать на куски. Кроме того, Сиголи дал любопытное продолжение этой истории: некий европеец из Брюгге, бывший тогда в Бейруте и оказавшийся, якобы, свидетелем событий, купил эту «драгоценнейшую кровь», а затем половину ее передал своему знакомому венецианцу, который поместил реликвию в собор Св. Марка, где ее «демонстрируют дважды в год с великой торжественностью; один раз на День Вознесения, второй раз – на День Св. Пятницы». Тогда как вторая половина «драгоценнейшей крови Христовой» находится в Брюгге, что в графстве Фландрия, в соборе, «и ее показывают там каждую пятницу с великой торжественностью» [3, р. 253].

Столь же любопытно описание такого святого места, как церковь Гроба Господня, один ключ от которой держал служитель Султана, второй – один из должностных лиц Иерусалима, третьим распоряжались церковные казначеи, каждый от своей веры. Таким образом, храм Гроба Господня представлял местом, разделенным между различными религиями, и из дальнейшего рассказа следует, что религиозные обряды проводились отдельно, судя по тому, что плата за ритуалы вносилась казначею каждой веры. При этом Леонардо Фрескобальди отмечал, что христианских воинов служители Султана не допускали в храм. Что касается горы Елеонской, то в этом месте проходили совместные религиозные обряды и торжественные процессии представителей всех христианских конфессий, в которых участвовали флорентийские горожане.

Затем путешественники описывали святыни на пути от Иерусалима до Дамаска: они зашли в Вифлеем и почтили все места, связанные с культом Христа и Иоанна Крестителя. Необыкновенно живописна история о том месте на реке Иордан, где Иоанн Креститель крестил Иисуса Христа. Фрескобальди сообщал о большом количестве собравшихся там паломников многих наций, которые представляли разные христианские конфессии, но были охвачены одинаковым религиозным энтузиазмом, устроив своего рода переключку христианских гимнов и молитв, которые они громко пели, каждая группа на своем языке, по разным берегам реки Иордан. Это нельзя назвать совместным религиозным обрядом, но Фрескобальди передавал тот удивительный подъем духа, который он пережил в этом проявлении коллективного религиозного воодушевления. Далее следовали описания святых мест Самарии, Назарета, моря Галилейского. На этом пути Леонардо Фрескобальди приводил ряд легенд, по всей вероятности имеющих местное происхождение. Например, рассказывая об одной из христианских церквей, находящейся в 14 милях от Дамаска, он упоминал о находящемся там образе Девы Марии, написанном на доске, который чудесным путем возвращался на свое место, когда его теряли или похищали. На этом образе проступала чудодейственная влага, целительную силу которой Леонардо испытал на себе и излечил ею потом во Флоренции своего сына. Эта церковь дала повод поведать легенду о том наказании, которое испытали сарацины, пытающиеся её разрушить, но будучи чудесным образом «втянуты и замурованы внутри её стен» [3, р. 158]. В этом случае транслируется негативный образ мусульман, посягающих на христианские святыни.

Таким образом, повествование о пелегринаже флорентийских горожан является уникальным источником, посредством которого можно попытаться сконструировать модель восприятия европейцами, горожанами XIV в. Св. Земли от горы Синай до Бейрута. Странствие по святым местам осознавалось, как хождение по особому «библейскому пространству». Главное, что интересовало паломников, – библейские святыни, причем, на реальные объекты, которые они осматривали, явно накладывается текст Св. Писания, хорошо известный горожанам. В их описаниях реалии пространства исчезали, обозначаясь лишь контурами, уступая место библейским достопримечательностям. Внимание горожан концентрировалось на апокрифических сказаниях и локальных мифах, рождающихся в среде носителей народной религиозности. В описаниях паломничеств системообразующее значение имел принцип локуса, конкретного святого места, которое в основном определяло оценку носителей иной культуры и иной веры. Если речь шла о местах общего поклонения, то в этом случае не давалось никаких враждебных характеристик иноверцам – иудеям или мусульманам, о которых оба путешественника сообщали немало положительных сведений в ходе путешествия по реальному пространству Ближнего Востока.

Литература

1. Антонетти П. *Повседневная жизнь Флоренции* во времена Данте. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 288.
2. Краснова И. А. Деловые люди Флоренции XIV–XV вв.: занятия, образ жизни и обыденное сознание: дис. ... докт. ист. наук. М. 1997. 858 с.
3. Angelini C. (Edit.). *Frescobaldi L., Sigoli S. Viaggi in Terrasanta*. Firenze: Felice Le Monnier, 1944. P. 269.
4. Bec Ch. *Les marchands écrivains, affaires et humanisme à Florence, 1375–1434*. Paris: La Haye, Mouton & Co., 1967. P. 492.
5. Kedar B. Z. *Convergences of Oriental Christian, Muslim, and Frankish Worshippers: The Case of Saydnaya*. In: Y. Hen (Ed.), *De Sion exhibit lex et verbum domini de Hierusalem. Essays on Medieval Law, Liturgy, and Literature in Honour of Amnon Linder*. Turnhout: Brepols, 2001. P. 214.
6. Limor O. *Holy places in Jerusalem between Christianity, Judaism and Islam*. In: I. Shagrir (Ed.), *In Laudem Hierosolymitani Studies in Crusades and Medieval Culture in Honour of Benjamin Z. Kedar*. Aldershot: Burlington, 2007. P. 468.